

ДЖАМШИ

АЛЕКСАНДР ГРАНОВСКИЙ
Врач. Онончил Литературный институт имени Горького, прозаик. Автор семи книг прозы, составитель ряда сборников. Лауреат Пушкинской премии за роман «Амарон. Или Последняя игра» (2021).

Был главным редактором молодежного журнала «Алые паруса» (Нрым), а также литературного альманаха «Золотой Пегас». Тексты переведены на английский, немецкий и французский языки. Член Союза писателей России и Международного ПЕН-клуба.

Был у меня на приеме пакистанец. С виду как студент медицинского. С отрешенным таким взглядом. Но оказалось – не студент, а новый русский. На базаре контейнер у него был. Продавал специи для еды, которой не было.

Каким-то ветром занесло человека в Крым, который в то время называли Сицилией, а город Симферополь – Палермо. Но после введения вместо денег разноцветных фантиков-«купонов» народ уже ничему не удивлялся.

– Джамши, – сказал пакистанец. – Я – Джамши.
– Хорошее имя, – сказал я.

По ящику рассказывали, что так звали легендарного царя персов, который дал народам счастье, и все люди начали выглядеть, как пятнадцатилетние юноши.

Этот Джамши и в самом деле выглядел лет на пятнадцать, ну, может, на семнадцать. Была в нем некая бесплотность, которую можно было списать на одежду: в просторной рубаше до колен, казалось, терялось тело.

– Вы профессор? – спросил.

На что я лишь скромно улыбнулся, так как действительно принимал в кабинете профессора с табличкой «Профессор».

Этот кабинет мне сдали в аренду, чтобы вступить в рыночные отношения, которые начались внезапно и смешно. «Capitalismus natura-

lis», – шутил профессор, когда мы иногда пересекались.

– Это у меня что? – Джамши закрыл глаза, чтобы показать свои веки.

– Это ксантомы, – сказал я, по-профессорски рассматривая в лупу желтоватые отложения холестерина на верхних веках.

Обычно они появлялись лет после сорока.

– Вам сколько лет? – все же не преминул спросить.

Вместо ответа он из своей безразмерной рубашки извлек темно-зеленый паспорт с надписью «Islamic Republic of Pakistan», чтобы я увидел, что ему двадцать пять лет.

– What to do? – спросил по-английски. От волнения, наверное.

– Delete, – по-английски ему и ответил.

– Ok, let's delete. When?

– Now, – сказал я.

Английский язык – это язык действий, как когда-то объяснял знакомый программист. Потому англичане и полмира захватили, что сначала действуют, а потом думают. Мы в этом смысле с точностью до наоборот. И язык компьютеров тоже английский, а не китайский и даже не немецкий с его словно затянутым в португалии словом «кранкеншвестер» – «медсестра».

И я повел Джамши укладываться на топчан возле громоздкой дуры под названием «диатермокоа-

гулятор ЭН-57М» (1961 год, мощность 1500 ватт), или электронож, как электродуру гордо называли в хирургии за ее потенциальную способность отрезать ногу.

Но никакую ногу мы отрезать не собирались.

- Надо немного подержать, – сказал я, пристраивая ватку, смоченную лидокаином, на ксантому размером в сантиметр.
- What's it? – косо спросил Джамши.
- Анестетик... Такое место – глаз... глаза.
- Don't need anesthetic.
- А как же... – показал ему на готовый к употреблению электрод в руке.
- Just a moment! I'll let you know when.

Джамши тут же закрыл глаза и забормотал что-то на непонятном языке. «Наверное, сура, из Корана, – догадался я. – Сурово у них там! Без суры и глаза закрыть нельзя. Надо согласовать с Аллахом».

Но Джамши бормотал недолго. И минуты не прошло, как замолчал и сделал знак, что готов.

Не готов оказался я.

Сразу представил запах расплавляемой электродом кожи, который не спутаешь ни с чем. Так пахнет человеческая хтонь, которая накапливалась миллионы лет, чтобы в нужный момент напомнить, кто мы и откуда.

И я решительно нажал на педаль.

Между кожей и электродом с треском проскочили искры. Желтая ксантома вспыхнула и дала дымок, что доказывало – аппарат работает.

Но Джамши даже не дрогнул – ни малейшей реакции на мои 1500 ватт!

Может, ксантома не имеет чувствительности? Или – кожа... которой я касался электродом еще и еще... Или это остановилось время, чтобы Джамши не успел ничего почувствовать, пока действуют его непонятные слова.

Может, они и на меня в какой-то степени подействовали, пока убирал ксантомы, прижигал ранки пятипроцентным раствором марганца. Словно должен был уложиться в некий отпущенный срок. И сейчас щелчок тумблера снова включил время, чтобы Джамши открыл глаза.

Я помог ему сесть и дал посмотреть в зеркало.

- Ача, тиик хэ. Хорошо. О'кей, – сказал Джамши.
- Да, хорошо, – сказал я, свежим взглядом оценивая свою работу. – Ты тоже хорошо это сделал со словами. Что это было?
- Дуа. For pain.
- Мощная вещь. Можно сказать – cool.
- Words from the Koran, – подтвердил Джамши.

– А можно мне записать эти слова? Мало ли что. Может, еще кому поможет, – вдруг пришла в голову идея, и мы еще какое-то время воплощали ее в жизнь.

Джамши называл звуки, я старался поточнее перевести их в буквы. Получилось примерно так: «Бисмилляхи агузу би гиззатиляхи ва кудратихи мин шарри ма аджиду мин уаджаги хаза».

Я даже не стал уточнять перевод, посчитав, что магия не нуждается в переводе и действует как тайный код.

– Надо только повторить три раза, – сказал на прощание Джамши.

Совсем не ожидал, что судьба сведет нас снова. Года два уже, наверное, прошло. Людей закручивало и не в такие спирали.

Только это был уже совсем другой Джамши – в новеньких синих джинсах, с надписью на модной куртке «Never look back». И по-русски говорил почти свободно:

– Как дела, доктор? Я тоже тогда приехал учиться на доктора, но денег хватило лишь на первый семестр. Пришлось на базаре в контейнере сидеть. Сейчас у меня все о'кей. Я тут со своей девушкой пришел. Хочу жениться. Скажите ей, что я хороший человек. Вы же меня знаете.

Джамши я действительно знал. И знал, что Джамши хороший человек. И девушка его была хорошей. Простая, еще не испорченная рыночными отношениями, девушка с голубыми глазами.

Где-то в горах на севере Пакистана живут точно такие светловолосые девушки с голубыми глазами. Говорят, что это потомки Александра Македонского, которых потеряло время. Поэтому у их религии нет ни имени, ни книги, ни пророков, но это не мешает им чувствовать себя счастливыми. Недавно к ним за счастьем даже приезжали герцог и герцогиня Кембриджские, принц Уильям и Кейт...

Я говорил какие-то слова, хорошие слова о Джамши, который мечтал стать доктором, но вынужден и зимой, и летом сидеть в металлическом контейнере, чтобы исполнить свою мечту. Что, возможно, она, Лена, и есть воплощение его мечты. А значит, судьба не зря занесла его в наши края. И вообще, он будет хорошим мужем – не пьет, не курит, и контейнер у него есть, а главное...

– Знаю, – сказала девушка Джамши, Лена.

Ее голубые глаза словно светились и... смеялись.